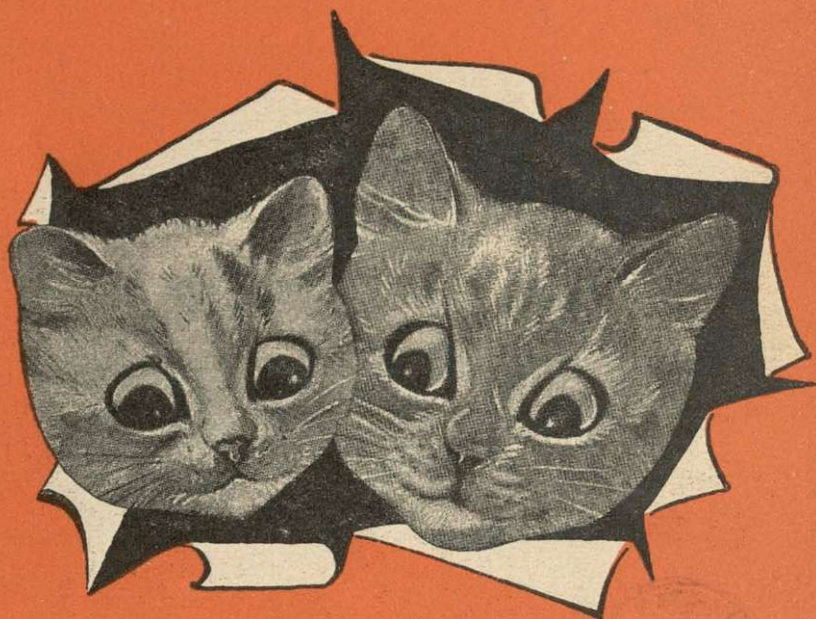

XVII $\frac{45}{10}$

№ 24

ОКТАБРЬ

1908.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЗАТѢЙНИЦА.
ЛЪСЬ.
ПОДКИДЫШЪ (повѣсть).
БОЛЬНОЙ РЕБЕНОКЪ.
СТАРЫЙ СЛУГА.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

ДЕРЕВЕНЬКА для склеиванія (пр
долженіе).

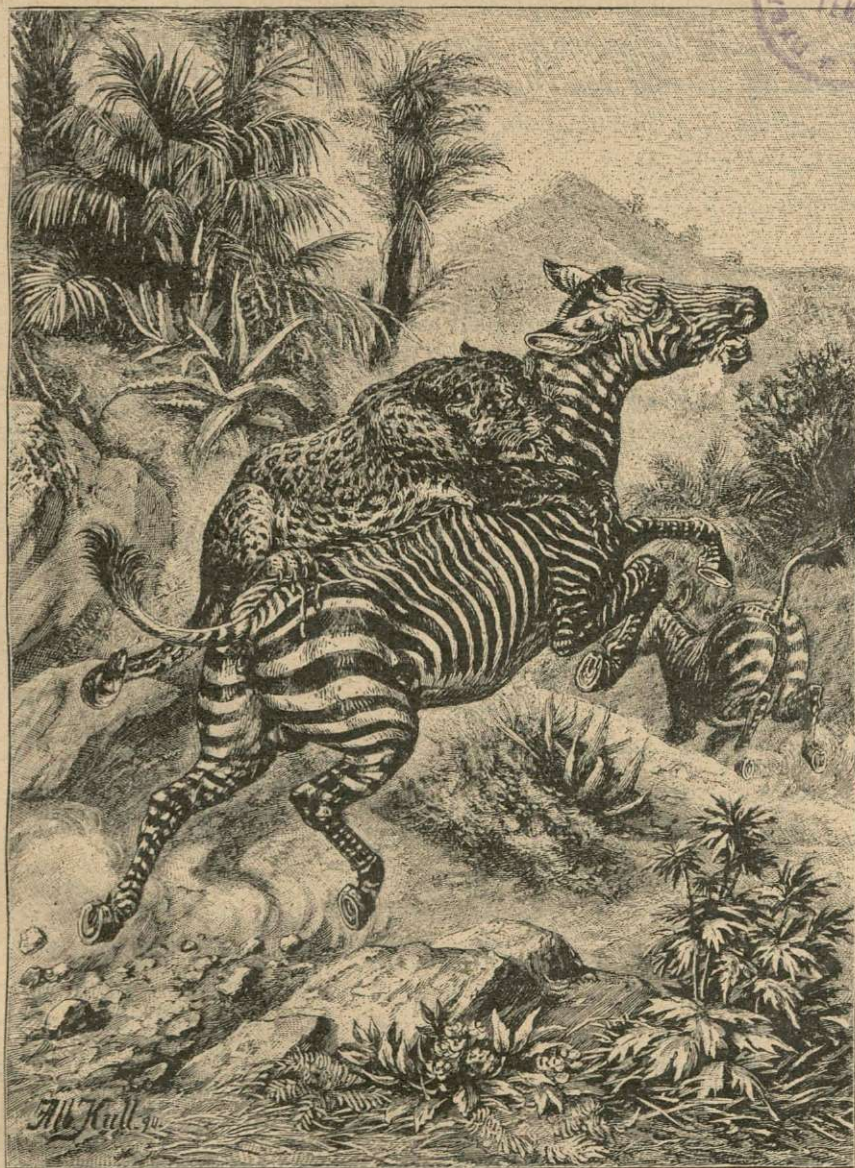

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Леопардъ, нападающій на зебру.

ЗАТѢЙНИЦА.

Рождественскій сочельникъ. Скучно, неуютно въ большихъ классахъ гимназій. Занятій нѣтъ. Почти всѣ пансионеры разъѣхались по домамъ. Осталось человѣкъ семь-восемь изъ среднихъ классовъ, да двѣнадцать маленькихъ. Всѣ приуныли. Сидятъ, молчатъ, или слоняются безъ дѣла, не зная, чѣмъ заняться.

— Дома-то теперь какъ хорошо! — вспоминается дѣвочкамъ.

— Тепло, свѣтло! Елку украшаютъ...

— Господа! Радость! Радость!.. вдругъ съ громкимъ крикомъ вбѣгаетъ въ рекреационный залъ смуглая, хорошенькая дѣвочка, лѣтъ одиннадцати, — Наташа Райская не ѣдетъ домой. Все Рождество съ нами проведетъ! —

— Не можетъ быть! отвѣчаютъ ей дѣвочки, тебѣ это приснилось! Ты это нарочно сочинила!

— Я сама слышала, въ лазаретѣ была! — нараспѣвъ отвѣчаетъ смуглая дѣвочка и быстро-быстро кружится волчкомъ, на каблукѣ.

Дѣвочки встрепенулись, зашумѣли, какъ пчелки въ ульѣ.

— Вотъ счастье-то будетъ! Неужели это правда? говорятъ онѣ. Съ ней намъ весело будетъ! Она намъ не дастъ скучать на праздникахъ.

— Еще бы! Она всегда такія интересные игры придумываетъ!

Смуглая дѣвочка сказала правду. Наташа Райская, только что перенесшая тяжелую болѣзнь, была не въ

состояннн ѣхать къ роднымъ въ имѣннє за четыреста верстъ и оставалась на праздники въ гимназін. Доктора, лѣчившіе ее, рѣшительно запретили ей выходить на воздухъ, такъ какъ зима въ этомъ году была суровая и многоснѣжная.

Не мало слезъ пролила бѣдняжка Наташа, узнавъ печальную новость. Всѣ ее утѣшали, чѣмъ могли. Изъ дому ей прислали цѣлый ящикъ подарковъ и десять рублей, но это ее мало радовало, и ей страстно хотѣлось домой.

Но только въ первый день Рождества ей позволили выписаться изъ лазарета. Подруги встрѣтили свою общую любимицу съ такимъ восторгомъ, что у нея даже голова закружилась отъ ихъ криковъ, объятій и поцѣлуевъ.

Особенно радовалась ей смуглая Рита. Эта дѣвочка-сиротка, жившая въ гимназін безвыѣздно уже третій годъ, горячо любила Наташу и всегда неутѣшно плакала, когда она уѣзжала домой.

Увидѣвъ, что и другія дѣвочки тоже не уѣхали на праздники домой, Наташа успокоилась и стала придумывать, какъ бы ей повеселѣе провести праздникъ. «Чтò бы мнѣ такое затѣять, думала она, чтобы всѣмъ было весело?»

— Хоть бы чтонибудь особенное для насъ на праздникахъ устроили! ворчала Рита, — ну, хоть бы въ театрѣ

свозили! А то все игры, танцы, да чтеніе! Это намъ и въ будни надоѣло.

Услышавъ желаніе Риты, Наташа долго о чемъ-то думала, а потомъ пробралась въ классъ и что-то долго писала своему дядѣ. Письмо свое и какую-то тетрадку Наташа тщательно запечатала въ конвертъ и отправила со сторожемъ въ пансіонъ мужской гимназіи, гдѣ ея дядя былъ воспитателемъ.

Весь день затѣмъ Наташа ходила сама не своя. Все прислушивалась, чего-то ждала, поминутно поглядывала на дверь.

— Что съ тобой, Наташа? Кого ты ждешь? спрашивали ее подруги.

Но Наташа только загадочно улыбалась и отвѣчала такъ уклончиво, что изъ ея отвѣтовъ ничего нельзя было понять.

Вечеромъ ей подали записку отъ дяди, всего три слова: «Завтра приду и устрою». Наташа прочла ее и запрыгала отъ радости, затанцевала, схватила Риту за руки и стала съ ней вертѣться съ головокружительною быстротою.

— Наточка! Пусти! Не могу больше! — взмолилась наконецъ Рита, у которой духъ захватило. — Расскажи лучше, чему ты радуешься?

— Завтра утромъ все узнаешь! — торжественно объявила ей Наташа и убѣжала изъ класса.

Громко и гулко пробили часы въ пріемной. Съ послѣднимъ ударомъ въ дверяхъ показался Наташинъ дядя съ небольшимъ сверткомъ въ рукахъ.

Наташа, караулившая его чуть не съ девяти часовъ утра, бросилась къ дядѣ на шею и покрыла его лицо поцѣлуями:

— Дядя Ваня! затараторила она. — Дядя Ваня! Я тебя такъ ждала! Ты все принесъ? Все приготовилъ? Ничего не забылъ? Отчего у тебя свертокъ такой маленькій? Неужели не все принесъ?

— Ишь, чего захотѣла!.. свистнулъ дядя. — Костюмы вамъ всѣ новые придется шить! Наши стали такими грязными да мятыми, что ихъ невозможно одѣть. Всѣ твои денежки, пожалуй, на костюмы придется истратить. — Не жалко тебѣ будетъ твоихъ десяти рублей?

— Нѣтъ, дядя Ваня, что ты! Нисколько не жалко! — быстро отвѣтила Наташа.

— Ну, твоя воля!.. А теперь мнѣ вашу начальницу надо повидать. Ее спросить. Еще позволить ли вамъ спектакль устраивать?.. Мы ее попросимъ хорошенько. Ужъ очень твоя пьеска мнѣ понравилась. Неужели это ты сама ее сочинила? Наташа стыдливо опустила глаза. — Поди-ка, узнай, могу-ли я переговорить съ Маріей Александровной, продолжалъ дядя. — Такъ, кажется, зовутъ вашу начальницу?..

Минуть черезъ пять дядю Ваню пригласили къ начальницѣ. Марія Александровна очень сочувственно отнеслась къ Наташиной затѣѣ поставить спектакль на Рождество и обѣщала помочь, чѣмъ можетъ. —

Спектакль назначили на третье января. Въ немъ пожелали участвовать всѣ гимназистки, которыя остались на праздникъ въ пансіонѣ. Закипѣла работа. Кто шилъ костюмы, кто дѣлалъ цвѣты изъ бумаги, кто рисовалъ афишки. Ежедневно приходилъ дядя Ваня и репетировалъ съ ними Наташину пьеску, которую рѣшили разыграть. Нѣсколько разъ прїѣзжалъ въ гимназію, по просьбѣ начальницы, учитель танцевъ. Онъ показалъ дѣвочкамъ, какъ надо танцовать танцы снѣжинокъ, цыганъ, бабочекъ, цвѣтовъ и букашекъ.

Скука и тоска далеко отлетѣли отъ женской гимназіи. Съ раннего утра и до поздняго вечера въ ней хлопотали дѣвочки. Ужъ очень имъ хотѣлось, чтобы все удалось на славу. Къ тому-же начальница разрѣшила дѣвочкамъ пригласить на спектакль родныхъ и знакомыхъ. По окончаніи спектакля, предполагались танцы до 11 часовъ вечера. — Радостямъ гимназистокъ не было конца. Въ первый разъ въ ихъ гимназіи будетъ такой интересный вечеръ. Онѣ сами разыграютъ волшебную пьеску Наташи Райской, а затѣмъ, какъ большія, будутъ танцовать до одиннадцати часовъ вечера да еще съ кавалерами. Наташу всѣ готовы были на рукахъ носить за ея изобрѣтательность.

Наконецъ наступилъ давно жданный день спектакля. Всѣ артистки поднялись ни свѣтъ, ни заря, повторяли роли, примѣряли костюмы, завивались, по нѣскольку разъ бѣгали въ залу

смотреть, какъ устанавливають декорации, которыя нарисовалъ ко дню спектакля дядя Ваня.

Генеральная репетиція, назначенная въ часть дня, сошла прекрасно. — Къ шести часамъ вечера стали собираться приглашенныя лица. Почти всѣ входящія гимназистки всѣхъ классовъ были на-лицо. Кто пришелъ съ отцомъ, кто съ матерью, кто съ братомъ или съ сестрою, но больше всѣхъ конечно было дѣтей, веселыхъ, нарядныхъ, глазки которыхъ горѣли нетерпѣніемъ поскорѣ увидѣть спектакль.

Въ четверть седьмого былъ данъ первый звонокъ. Всѣ поспѣшили занять мѣста. Ровно въ половинѣ седьмого взвился занавѣсъ. Глазамъ зрителей представился лѣсъ, залитый луннымъ свѣтомъ. Въ глубинѣ сцены стояла ель, убранная снѣгомъ и льдинками. Вдали слышалось тихое пѣніе. Одна за другою, танцуя вальсъ, выпорхнули на сцену дѣвочки-снѣжинки. Онѣ исполнили свой танецъ и замерли въ красивыхъ позахъ. Изъ-за деревьевъ показалось шествіе. Шли гномы, льдинки, дѣдушка Морозъ. Среди нихъ важно выступала Королева снѣговъ, Вѣрочка Леонтьева, бѣлокурая дѣвочка, точно фарфоровая куколка, съ нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ, и въ бѣлоснѣжномъ костюмѣ съ мантіей на плечахъ, убранной блестками и льдинками. Она взмахнула своимъ жезломъ. Снѣжинки сошли съ мѣстъ и окружили королеву.

— Друзья мои! — обратилась къ

нимъ Вѣрочка Леонтьева.—Въ нашемъ дремучемъ лѣсу, вблизи обрыва лежитъ маленькая дѣвочка. Я прикрыла ее пушистымъ снѣговымъ покровомъ и поставила зайца сторожить ея сонъ. Недалеко отъ опушки лѣса, подъ тѣнью развѣсистой ели спитъ другая дѣвочка. Ее сторожитъ мой вѣрный слуга, гномъ Всевѣдка. Разыщите дѣвочекъ и приведите ихъ ко мнѣ.

Она вторично взмахнула жезломъ, и всѣ снѣжинки бросились исполнять ея приказаніе.

— Да, это дѣло рѣшенное!— сказала королева, оставшись одна.— Ничто не спасетъ этихъ дѣвочекъ. Онѣ—злы, упрямы, капризны. Онѣ убѣжали отъ своихъ родныхъ и вотъ заблудились теперь въ лѣсу. Я дотронуся до нихъ своимъ жезломъ, и онѣ станутъ снѣжинками на многіе годы, навсегда!

И высоко поднявъ свой жезлъ, королева стала танцевать, и занавѣсъ медленно опустился.

Раздался громъ аплодисментовъ. Стали вызывать королеву снѣговъ и снѣжинокъ. Онѣ показались веселыя, улыбающіяся, и опять ушли за сцену.

Всѣхъ заинтересовала судьба двухъ дѣвочекъ, заблудившихся въ лѣсу.

Когда вторично поднялся занавѣсъ, то сцена изображала дворецъ коро-

Сиротка.

левы снѣговъ. Королева сидѣла на тронѣ разгнѣванная, сдвинувъ брови. Передъ нею стояли снѣжинки, виновато опустивъ свои головки. Онѣ не нашли дѣвочекъ. Подулъ теплый вѣтеръ. Онѣ стали таять, обезсилѣли и заснули. Заснулъ и заяцъ, сторожившій одну изъ дѣвочекъ. А гномъ Всевѣдка вдругъ на время ослѣпъ и оглохъ. Когда онъ очнулся, то дѣвочки, которую Королева снѣговъ велѣла ему сторожить, уже не было подь елюю.

Выслушала Королева снѣговъ своихъ подданныхъ, еще больше сдвинула брови и повелительно произнесла:

— Привести сюда гнома Всевѣдку!

И въ ту же минуту изъ толпы снѣжинокъ вынырнулъ маленькій сгорбленный старичокъ-гномъ съ бѣлой бородой изъ ваты, въ коричневомъ плащѣ, съ фонаремъ въ рукахъ. Отвѣсивъ низкій поклонъ, онъ сказалъ:

— Всемилостивѣйшая королева! Не изволь больше гнѣваться на твоего покорнаго слугу. Я знаю, гдѣ дѣвочки; я знаю, кто помѣшалъ намъ исполнить твою волю.—Фея Лучезара похитила ихъ у тебя!

— Гдѣ же дѣвочки теперь?—

— Онѣ—у цыганъ!

— Разыскать ихъ, отнять отъ цыганъ!—приказала королева, выслушавъ гнома Всевѣдку, и взмахнула жезломъ. Всѣ снѣжинки закружились и одна за другою покинули сцену. Ушли и гномы.

Третья картина. Полянка въ лѣсу. Въ глубинѣ раскинутъ шатеръ, передъ

которымъ горитъ костеръ. Вокругъ костра сидятъ и лежатъ цыгане,— другіе изъ нихъ танцуютъ. Вдругъ слышится плачь. На сцену выбѣгаютъ двѣ дѣвочки грязныя, растрепанныя, всѣ въ лохмотьяхъ. За ними гонится старая цыганка. Она хочетъ ихъ побить. Дѣвочки взвизгиваютъ и въ страхъ прячутся за шатеръ. Цыгане и цыганки окружаютъ старуху, которая рассказываетъ имъ, что дѣвочки утащили у нея корку хлѣба. Между тѣмъ наступаетъ ночь. Костеръ тухнетъ. Цыгане всѣ спятъ. Изъ-за-шатра тихо на цыпочкахъ выходитъ одна изъ дѣвочекъ, оставливается посреди сцены и громко шепчетъ:

— Маруся! Гдѣ ты?

Сію же минуту съ другой стороны шатра выходитъ вторая дѣвочка.

— Я, здѣсь, Женья! откликается она.

— Всѣ спятъ, Маруся, бѣжимъ!

— А вдругъ насъ поймутъ, побьютъ?

— Нѣтъ, Маруся, не бойся, не поймутъ!—увѣренно говоритъ Женья.— Сегодня ночью во снѣ мнѣ явилась фея Лучезара. Она сказала: Бѣгите, дѣвочки! Я помогу вамъ найти дорогу домой! Ахъ, Маруся! Если бы ты видѣла, какая эта фея красивая, нарядная! Бѣжимъ, Маруся, бѣжимъ скорѣе, а то проснутся всѣ!

Женья беретъ Марусю за руку и уводитъ ее за деревья.

Четвертая картина. Дворецъ феи Лучезары. Стѣны украшены вѣнками,

гирляндами и букетами цвѣтовъ. Бабочки, свѣтляки, зеленыя букашки, цвѣты, танцуютъ, бѣгаютъ, поютъ, играютъ. Вдругъ среди нихъ неожиданно появляется фея Лучезара, изящная, тоненькая, чернокудрая Рита въ длинномъ розовомъ одѣяніи съ волшебной палочкой, увитой цвѣтами. Звонкимъ голоскомъ рассказываетъ она про двухъ дѣвочекъ, спасенныхъ ею отъ королевы снѣговъ. Онѣ были упрямы, злы, непослушны. Зимой, тайкомъ онѣ убѣжали изъ дому, чтобы досадить тетѣ и дѣдушкѣ, у которыхъ онѣ жили послѣ смерти родителей. Конечно, онѣ заблудились, разошлись въ разныя стороны искать дорогу, потеряли другъ дружку и заснули въ лѣсу.

— Когда Королева снѣговъ велѣла привести ихъ къ ней, чтобы обратить ихъ въ снѣжинокъ, я дотронулась до нихъ волшебной палочкой, и онѣ очутились вблизи цыганскаго табора, сказала она. Цыгане нашли ихъ, взяли къ себѣ, учили ихъ разнымъ фокусамъ, били ихъ, плохо кормили. Худо жилось бѣднымъ дѣвочкамъ въ таборѣ, но зато онѣ поняли, какъ хорошо имъ было у родныхъ и какъ горячо любили ихъ тетя и дѣдушка, которыхъ онѣ огорчали.

Какъ только онѣ раскаялись, я вывела ихъ изъ цыганскаго табора, явившись одной изъ нихъ во снѣ. Теперь онѣ недалеко отъ своего дома. Наступило лѣто. Королева снѣговъ уже не страшна имъ больше. Во всемъ лѣсу не осталось больше ни

одной снѣжинки. Пусть-же эти дѣвочки найдутъ теперь свой домъ!

Фея Лучезара машетъ своей палочкой и вмѣсто дворца на сценѣ вдругъ появляется большой садъ. Клумбы съ цвѣтами. Отъ одного цвѣтка къ другому перепархиваютъ бабочки, ползаютъ свѣтляки и букашки. Все это дѣвочки, одѣтыя насѣкомыми.

Входятъ Женя и Маруся, усталыя, печальныя. Маруся садится на скамейку, закрываетъ лицо руками и плачетъ. Женя обнимаетъ ее, цѣлуетъ, утѣшаетъ.

— Нѣтъ, Женя! Мнѣ кажется, мы никогда не найдемъ теперь дороги домой, говоритъ она, — никогда не увидимъ дѣдушку и тетю. А какъ они насъ любили, какъ ласкали! Вѣрно они думаютъ, что насъ уже нѣтъ въ живыхъ. Вспоминаютъ ли они насъ?

— А ты помнишь, Маруся, какъ мы ихъ мучали, какъ не слушались? Тетя даже плакала нѣсколько разъ.

— Ахъ, если бы только намъ вернуться домой! Какъ бы я ихъ теперь любила!

— И я тоже! отвѣчаетъ Маруся. — Но мнѣ спать хочется, я устала и не могу больше идти... Ляжемъ на эту скамейку и отдохнемъ...

— Я тоже устала, говоритъ Женя, — и ноги едва меня несутъ...

Онѣ ложатся на скамейку и скоро засыпаютъ. Появляется фея Лучезара, посылаетъ имъ воздушные поцѣлуи, улыбается. Цѣлый рой бабочекъ вы-

...— Спасите! У меня течетъ лодка! Я погибаю!

летаетъ на сцену. Онѣ поютъ, танцуютъ вмѣстѣ съ свѣтляками и букашками. Цвѣты танцуютъ тоже.

— Сейчасъ къ этимъ дѣвочкамъ придутъ ихъ тетя и дѣдушка и возьмутъ ихъ, говоритъ фея Лучезара.— Онѣ не узнали своего собственнаго сада и заснули на своей-же собственной скамейкѣ.

Она машетъ своей палочкой и уходитъ.

Вмѣстѣ съ ней удаляется вся ея свита изъ цвѣтовъ и насѣкомыхъ. Занавѣсъ опускается.

Пятая картина. Столовая въ домѣ дѣдушки Жени и Маруси. Женя накрываетъ на столъ. Маруся приноситъ букеты цвѣтовъ и ставитъ ихъ

Спасли.

передъ приборами дѣдушки и тети. Дѣвочки весело разговариваютъ, вспоминаютъ свое житье у цыганъ, и фею Лучезару и радуются, что опять онѣ дома. Входятъ дѣдушка и тетя цѣлуютъ ихъ и ласково ихъ обнимаютъ.

— Какъ хорошо, что вы вернулись! говорятъ они.—Теперь мы не одни

на бѣломъ свѣтѣ! Теперь мы не одиноки.

Дѣвочки бросаются къ нимъ на шею и крѣпко-крѣпко прижимаются къ нимъ...

— Автора! автора!— дружно закричали всѣ присутствующіе въ залѣ, когда занавѣсъ послѣ неоднократнаго

поднятія опустился наконецъ въ послѣдній разъ.

Наташа вышла вся раскраснѣвшаяся, сіяющая отъ радости, что ей удалось доставить всѣмъ столько удовольствія. Ее цѣловали, благодарили, угощали конфектами, поднесли ей букетъ изъ цвѣтовъ. Рита была внѣ себя отъ восторга. Она ходила за Наташей, какъ тѣнь, и безпрестанно повторяла всѣмъ и каждому:

— Вотъ какая наша Наташа ум-

ная!—Такъ даже не всякій писатель сочинить!

А затѣмъ начались танцы. Всѣмъ было весело и когда наступили роковые одиннадцать часовъ, то никому не хотѣлось отправляться домой.

А за кулисами еще долго сидѣли въ своихъ костюмахъ цвѣты, букашки, бабочки и свѣтляки и, полные очарованія, съ грустью думали о томъ, что уже давно пора переодѣваться...

В. Ѳ. Смѣльская.

Л Ъ С Ъ.

Въ дни лѣта солнышко съ небесъ
Ласкало міръ тепломъ и свѣтомъ;
Счастливо жилъ зеленый лѣсъ
Его живительнымъ привѣтомъ.

Дохнула осень на него
Суровымъ холодомъ метели
И кудри пышныя его
Вдругъ развились и пожелтѣли.

Поникъ головой печально лѣсъ
Передъ зимою безпросвѣтной,
Все рѣже солнышко съ небесъ
Ему роняетъ лучъ привѣтный.

А. Кузнецовъ.

ПОДКИДЫШЪ.

Романъ **Мэргіе.**

(Окончаніе).

Приближался конецъ вакацій и г. Ледюкъ прислалъ женѣ телеграмму, въ которой извѣщалъ ее, что на этихъ дняхъ онъ пріѣдетъ въ замокъ Фелье и уже увезетъ всю свою семью въ Парижъ на цѣлую зиму. Начались ахи

и охи, хлопоты по укладыванію и собиранію въ путь, а Фредерикъ и Шарлотта по цѣлымъ часамъ стали проводить время вмѣстѣ съ Ноэлемъ, съ грустью предвидя предстоящую разлуку.

— Теперь тебѣ не будетъ скучно,

Ноэль, обратилась какъ-то Шарлотта къ Ноэлю.

— Почему? спросилъ онъ ее.

— Да вѣдь васъ теперь двое... Правда, что твоя тетя Марія-Жанна взяла къ себѣ маленькую цыганочку Аниту?

— Да.

— Зачѣмъ?

— Потому что злые люди, которые украли ее у ея родителей, схвачены и посажены въ тюрьму.

— За что?

— За очень нехорошій поступокъ.

— Такъ зачѣмъ-же Анита у васъ?

— Она одинока... Надо-же ее напоить и накормить!

— Я скажу мамѣ, чтобы она послала ей денегъ, платье, пальто и башмаки. А что она у васъ дѣлаетъ, Ноэль?

— Она помогаетъ моей тетѣ Маріи-Жаннѣ и подаетъ и принимаетъ со столовъ у посѣтителей.

— Значитъ, она вродѣ горничной! Когда мы выростемъ большіе, Ноэль, то мы возьмемъ ее къ себѣ! Хорошо?

Ноэль ничего не отвѣтилъ и густо покраснѣлъ.

Прошла недѣля со времени ареста Антонію и старухи и въ трактирѣ «Свиданія друзей» жизнь потекла по старому.

Принявъ къ себѣ Аниту, Марія-Жанна отпустила свою горничную, пригласивъ ее только на время ярмарки, и ея жалованіе стала сберегать для несчастной сироты. И Анита при

всякомъ случаѣ старалась выказать ей свою благодарность и помогала ей, насколько хватало у нея силъ. И это казалось ей совсѣмъ легкимъ дѣломъ въ сравненіи съ тѣмъ, что она исполняла въ фургонѣ и въ театрѣ.

Однажды вечеромъ Марія-Жанна по обыкновенію заперла въ трактирѣ всѣ ставни. Было 10 часовъ. Ей помогала Анита.

Ноэль ничего не отвѣтилъ и густо покраснѣлъ.

Кто-то шевельнулся за угломъ и въ темнотѣ промелькнула чья-то тѣнь.

— Г-жа Марія-Жанна, обратилась къ хозяйкѣ Анита, вдругъ вся задрожавъ.—Вы не видѣли?

— Кого? спросила трактирщица, тоже испугавшись.

— Матвѣя! Онъ сейчасъ только выскочилъ изъ-за угла!

— Это актера? Того, который игралъ въ нашемъ фургонѣ?

— Да!

— Его нечего бояться, моя милая...

Онъ признанъ непричастнымъ къ дѣлу Антонію.

— Но онъ сейчасъ поглядѣлъ на меня такъ, что у меня пробѣжалъ по спинѣ морозъ.

— Въ такомъ случаѣ, чтобы ты была покойна, давай запремъ ставни на болты, а дверь на засовъ. Если онъ захочетъ сунуть къ намъ носъ, то останется не при чемъ.

Это не успокоило Аниту. Она слиш-комъ хорошо знала Матвѣя, чтобы умѣть оцѣнить значеніе его злобнаго взгляда.

Ее положили въ комнатѣ, смежной съ той, въ которой спалъ Ноэль. Прежде чѣмъ лечь, она приставила губы къ скважинѣ замка и позвала:—

— Ноэль!

Ноэль. Что тебѣ, Анита?

Анита. Ты не спишь?

Ноэль. Нѣтъ. А ты чего не спишь?

Анита. Я боюсь.

Ноэль. Чего?

Анита. Воровъ.

Ноэль. Ихъ больше нѣтъ, а Антонію и Фемію въ тюрьмѣ.

Анита. Закрывая ставни, я видѣла Матвѣя. Онъ тоже злой... Онъ часто меня билъ и наговаривалъ на меня Феміи разныхъ небылицъ...

Ноэль. А ты сказала объ этомъ тетѣ?

Анита. Да... Она заперла ставни на болты, а дверь на засовъ.

Ноэль. Значитъ, и нечего бояться!.. Ложись спать, Анита!

Анита. Ноэль!..

Ноэль. Что еще?

Анита. Ты не слышишь?..

Ноэль [нюхаетъ воздухъ] Да. Слышу... Что-то дымно!.. Точно горятъ тряпки въ кухнѣ!..

Анита [дрожа] Ноэль... Это огонь!..

Ноэль. Да будетъ тебѣ, Анита! Спи!..

Анита. Ноэль, это пожаръ!..

Ноэль [въ испугѣ]. Да, это правда! Теперь и я слышу! Надо разбудить дядю и тетю!

Анита [будитъ]. Г-жа Марія-Жанна!.. Проснитесь!.. Пожаръ!..

При этихъ словахъ дверь въ комнату быстро отворилась и въ ней показался самъ Томъ Керуэль.

— Ноэль! Анита! закричалъ онъ голосомъ, измѣнившимся отъ страха.— Спасайтесь!.. Бѣгите скорѣе сюда!.. Мы горимъ.

И когда оба они выбѣжали къ нему, онъ схватилъ ихъ на руки и выпрыгнулъ съ ними изъ горѣвшаго дома. Съ распущенными волосами, полуодѣтая, тутъ-же стояла и Марія-Жанна и въ слезахъ ломала себѣ руки.

Домъ горѣлъ со всѣхъ четырехъ сторонъ и къ нему отовсюду сбѣгался народъ. Дали знать бригадиру, подняли тревогу и скоро на колокольнѣ зазвучалъ среди ночи угрюмый набатъ.

Прискакали пожарные и принялись за тушеніе пожара. Но въ трактирѣ было много спиртныхъ напитковъ и пожарнымъ не подъ силу было затушить огненные языки. Отъ невыносимаго жара нельзя было стоять и трескались стекла на сосѣднихъ по-

стройкахъ. Летали головешки и бригадиръ распорядился удалить толпу. Повсюду стоялъ ѣдкій дымъ, который ослѣплялъ работавшихъ пожарныхъ.

Марія-Жанна, обезумѣвъ отъ горя и страха, съ печалью смотрѣла на свое горѣвшее гнѣздо. Томъ Керуэль тупо стоялъ около нея. Анита и Ноэль тихонько плакали.

Какъ вдругъ къ пожарищу подъѣхалъ экипажъ. Изъ него вышла молодая дама. Толпа разступилась, дала ей дорогу и она направилась прямо къ Маріи-Жаннѣ.

— Не плачьте, моя дорогая, обратилась она къ ней голосомъ, полнымъ безконечной доброты.—Я здѣсь, съ вами... Я не оставлю васъ!..

— Г-жа Ледюкъ! воскликнула трактирщица.—Мы потеряли все. Мы разорены въ конецъ!

— Нѣтъ, не все, отвѣчала г-жа Ледюкъ.—У васъ есть еще Ноэль, съ которымъ вы не пропадете никогда. Въ благодарность за него я приглашаю васъ всѣхъ сейчасъ къ себѣ. Мой домъ—вашъ домъ, моя семья—ваша семья...

— Г-жа Ледюкъ! воскликнулъ вдругъ Томъ и слезы не дали ему говорить.—Вы наше Провидѣніе... я принимаю ваше приглашеніе ради вотъ этихъ моихъ двухъ дѣтей. Но я еще не старъ... Я могу и буду работать и съумѣю еще добыть кусокъ хлѣба себѣ и женѣ.

— Хорошо, хорошо! Садитесь-ка лучше въ экипажъ!.. Наше присут-

ствіе здѣсь, къ сожалѣнію, совершенно бесполезно.

Въ эту минуту къ г-жѣ Ледюкъ подошелъ бригадиръ, слышавшій весь этотъ разговоръ. Со слезами на глазахъ онъ расшаркался передъ нею по-военному и, приложивъ руку къ козырьку, сказалъ:

— Мадамъ!.. Позвольте мнѣ вамъ сказать, что вы превосходная женщина!

На слѣдующій день, въ первомъ часу, пріѣхалъ изъ Парижа г-нъ Ледюкъ. Въ немногихъ словахъ его жена рассказала ему тотчасъ-же все, что произошло въ истекшую ночь. Тогда-же подошелъ къ нему и Томъ Керуэль съ красными и опухшими отъ слезъ глазами. Онъ хотѣлъ говорить, но г. Ледюкъ, боясь, чтобы онъ не разстроился, сказалъ ему:

— Я знаю все и, признаюсь, даже доволенъ, что такъ случилось. Это помогаетъ мнѣ осуществить мое давнишнее желаніе. Наши дѣти не должны разставаться. Мы слишкомъ обязаны вашему Ноэлю. Поглядите, какъ они вмѣстѣ играютъ!

И онъ указалъ Тому на лужайку, гдѣ Ноэль и Шарлотта, держа другъ дружку за руку, о чемъ-то разговаривали, а тутъ-же около нихъ стояла и безродная Анита.

— Теперь вы останетесь у насъ навсегда, продолжалъ Ледюкъ, и мы будемъ жить всѣ вмѣстѣ одной семьей.

Томъ не отвѣчалъ.

Да и зачѣмъ? Развѣ словами вы-

разишь все то, что можешь чувствовать? Онъ взялъ руку своего покровителя и покрылъ ее слезами.

Въ эту минуту у садовой калитки раздался звонокъ и послышались чьи-то тяжелые шаги.

Это былъ бригадиръ.

— Простите, господа, сказалъ онъ.—Я пришелъ, чтобы сообщить вамъ одну очень важную новость.

— Какую? спросили его всѣ въ одинъ голосъ.

— Подъ обломками сгорѣвшаго дома г-на Керуэля мы нашли сейчасъ трупъ Матвѣя. Ясно, что онъ под-

жегъ и что сдѣлалъ это съ корыстной цѣлью: его руки оказались въ обгорѣвшей каскѣ. Но сверху свалилось бревно и уложило его на мѣстѣ!

Всѣ сняли шапки и долго молчали.

— Какъ все это грустно!.. прервалъ наконецъ молчаніе Ледюкъ.

А затѣмъ, обратившись къ игравшимъ на лужайкѣ дѣтямъ, онъ позволялъ ихъ къ себѣ и сказалъ:

— Фредерикъ! Шарлотта! Протяните руки Ноэлю и Анитѣ и не расставайтесь болѣе никогда! Вы теперь два брата и двѣ сестры!

И всѣ вмѣстѣ отправились въ домъ.

БОЛЬНОЙ РЕБЕНОКЪ.

Въ тиши ночной, у колыбели,
Отецъ и мать съ тоской сидѣли
И робко ждали... Въ ней въ жару
Дитя несчастное металось,
Всю ночь страдало и къ утру
Едва-едва лишь не скончалось.

Но тихо ангелы слетѣли
Къ той злополучной колыбели,
Качнули разъ ее и два,
Взглянули нѣжно на ребенка,
Молиться стали... Ихъ слова
Звучали сладостно и тонко.

И вдругъ дитя глаза открыло:
Къ нему вернулась жизни сила.
Болѣзнь осталась позади...
Дитя хворало три недѣли,
А тутъ вдругъ встало съ колыбели
И мамѣ бросилось къ груди.

Ирисъ.

СТАРЫЙ СЛУГА.

Сто лѣтъ тому назадъ во Франціи происходили большіе безпорядки. Король былъ убитъ, его семья испытала невыносимыя страданія и наслѣдникъ престола прямо изъ роскошнаго дворца былъ отданъ какому-то сапожнику на воспитаніе и умеръ у него отъ чахотки, еще будучи ребенкомъ. Разбушевавшаяся чернь арестовывала вельможъ, подвергала ихъ казни или заключенію въ тюрьмѣ и отнимала у нихъ ихъ замки и помѣстья. И вотъ, въ такую-то печальную эпоху, въ одномъ изъ старинныхъ замковъ Франціи, расположенномъ въ окрестностяхъ города Бордо, жилъ графъ Сень-Вальберъ съ своей единственной дочерью Женни. Ему давно уже говорили, что чернь недовольна имъ и ищетъ только предлога, чтобы арестовать его и отнять у него его богатства. Къ тому-же и многіе изъ его знакомыхъ, другіе графы и князья, уже давно лежали въ сырой землѣ или были заключены въ тюрьму только за то, что были богаты и носили знатный титулъ, а ихъ имѣнія уже давно перешли въ руки совершенно постороннихъ людей.

И вотъ, получая угрозы со всѣхъ сторонъ, графъ Сень-Вальберъ удалился къ себѣ въ замокъ, распустилъ свою многочисленную прислугу и сталъ жить скромно и уединенно со своею дочерью Женни, съ единствен-

нымъ слугою Жерменомъ и съ садовникомъ Пьеромъ, у котораго тоже была дочь однихъ лѣтъ съ Женни.

Эти Жермень и Пьеръ были такъ преданы своему хозяину, что не захотѣли отъ него уходить и остались при немъ навсегда.

Приходившія изъ Парижа извѣстія съ каждымъ днемъ становились все тревожнѣе и тревожнѣе, и графу больше не оставалось ничего, какъ спастись отъ своихъ враговъ бѣгствомъ. Пройдутъ еще два дня и въ замокъ ужъ появятся его враги сами, они схватятъ его, посадятъ его въ тюрьму, а быть можетъ даже и убьютъ, — и графъ рѣшилъ тайкомъ, въ темную ночь, взять съ собою Женни и незамѣтно перебраться черезъ границу.

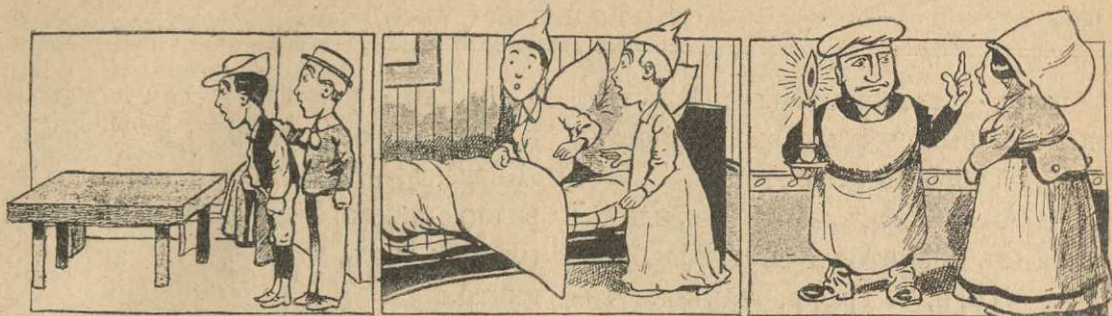
И вотъ съ помощью Жермена и Пьера онъ собралъ всѣ свои драгоценности и золотыя деньги въ шкатулку, положилъ туда-же и наиболѣе цѣнныя свои бумаги и глухимъ вечеромъ отправился къ себѣ въ самый отдаленный уголь своего парка. Сверкала молнія, вдаль слышались раскаты грома и было такъ темно, что ничего нельзя было увидѣть въ двухъ шагахъ. Жермень шелъ впереди съ маленькимъ карманнымъ фонаремъ, за нимъ со шкатулкой въ рукахъ слѣдовалъ самъ графъ Сень-Вальберъ, а сзади всѣхъ съ желѣзною ланатою черезъ плечо шелъ

Въ саду.

1. Коля и Сережа задумали бѣ-
жать въ Америку. По дорогѣ ихъ
застала ночь,—

2. они зашли на постоялый дворъ
и расположились въ немъ на но-
члегъ.

3. Едва только они стали засы-
пать, какъ хозяинъ постоялаго
двора сказалъ своей женѣ:— «Завтра
утромъ надо будетъ зарѣзать на-
шихъ двухъ молодцовъ».

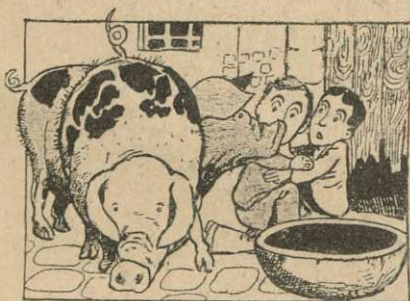
4. Коля и Сережа приняли эти слова
на свой счетъ и испугались. Что было
дѣлать?

5. Они одѣлись, выскочи-
ли въ окно и пустились бѣ-
жать.

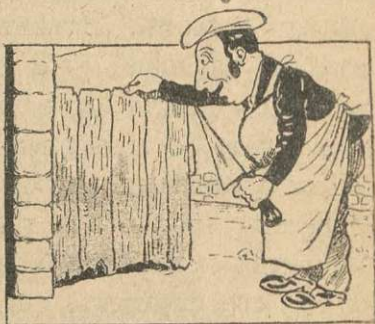
6. Но ворота постоялаго двора оказались
крѣпко запертыми.

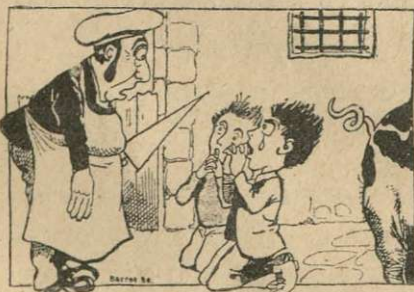
7. Тогда они спрятались въ хлѣвъ
къ свиньямъ и стали тамъ со страхомъ
ожидать своего конца.

8. На утро послышалось, какъ
хозяинъ постоялаго двора сталъ
точить свой ножъ.

9. Онъ отворилъ затѣмъ дверцу въ
хлѣвъ и громко крикнулъ:— «А ну-ка,
пожалуйте сюда, мои молодцы, я васъ
сейчасъ зарѣжу!»

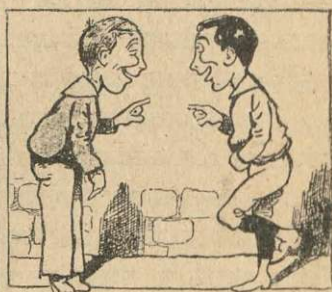
10. Коля и Сережа испугались, броси-
лись передъ нимъ на колѣни и стали про-
сить его, чтобы онъ ихъ пощадилъ.

11 и 12. Появивши, въ чѣмъ дѣло, содержатель постоялаго двора
сталъ громко хохотать:

— Да вѣдь это я не васъ, сказалъ онъ,— а двухъ монхъ свиней!
Это ихъ я прозвалъ молодцами!

А Коля и Сережа обрадовались своему спасенію и стали весело
подтрунивать другъ надъ другомъ.

старикъ—садовникъ Пьеръ. Всѣ трое шли на цыпочкахъ и разговаривали между собой шопотомъ.

— А что, насъ никто не видитъ? спросилъ шопотомъ Сень-Вальберъ.

— Нѣтъ, г. графъ, такъ-же тихонько отвѣтилъ ему Жермень.—Это мѣсто въ паркѣ самое глухое, а въ природѣ собирается гроза. Я полагаю, что спятъ всѣ уже у себя по домамъ или-же бражничаютъ въ кафе.

И они подползли подъ вѣтви стараго раскидистаго вяза и поставили около себя фонарь. Пьеръ взмахнулъ лопатой и разъ за разомъ сталъ вонзать ее въ землю. Скоро онъ выкопалъ глубокую яму, графъ положилъ въ нее свою шкатулку, Пьеръ забросалъ ее землею и засыпалъ сверху пескомъ. Затѣмъ всѣ они сгребли начавшій уже опадать съ деревьевъ листь и завалили имъ мѣсто подъ старымъ вязомъ и свои слѣды, оставшіеся на пескѣ.

Теперь никто не узнаеть, гдѣ богатства Сень-Вальбера. И если теперь его схватятъ, когда онъ будетъ переходить черезъ границу, и казнятъ, то его дочь Женни не останется безъ денегъ. Жермень и Пьеръ найдутъ ее и, когда утихнутъ безпорядки, отдадутъ ей шкатулку ея отца.

Когда они вернулись въ замокъ, то сталъ накрапывать дождь и громъ становился все слышнѣе. Они принялись упаковывать вещи графа и нужно было торопиться, чтобы Сень-Вальберъ успѣлъ перейти черезъ границу до утра.

— Вамъ помогаетъ сама судьба, г. графъ, обратился къ хозяину Жермень.—Ночь такъ темна, что не видно ничего. Вы перейдете черезъ границу такъ, что васъ не замѣтитъ никто.

— Дай Богъ! отвѣтилъ графъ.—Я не боюсь за себя, но мнѣ жалко мою дочь... Если я умру, то она останется одна во всемъ свѣтѣ. Что съ ней тогда будетъ?

— Не безпокойтесь, г. графъ, сказалъ садовникъ Пьеръ.—Пока я живъ, съ вашей Женни не случится ничего.

Раздался оглушительный раскатъ грома, молнія освѣтила всѣ окна замка и вслѣдъ за другимъ ударомъ грома послышался вдругъ стукъ въ ворота замка.

— Отворяйте! Отворяйте!

Графъ вздрогнулъ. Пьеръ выглянулъ въ окошко и при свѣтѣ молнии увидалъ у воротъ вооруженныхъ людей.

— Это они! сказалъ онъ.—Спасайтесь, графъ!

И бросившись къ калиткѣ, Пьеръ и Жермень уперлись въ нее своими плечами, чтобы не впустить въ нее вооруженныхъ людей и тѣмъ дать графу время убѣжать черезъ заднюю дверь.

— Отворите! продолжали кричать прищельцы.

— Мы потеряли ключи! отвѣтилъ имъ Жермень.—Погодите немного, сейчасъ мы найдемъ его и отопремъ для васъ калитку!

— Вы врете! отвѣчали имъ пришельцы. — Вы не выпускаете насъ, чтобы выиграть время и дать вашему хозяину спастись. За это вы намъ отвѣтите!

— Но кто вы? спросилъ ихъ Пьеръ. И откуда вы пришли?

— Мы пришли изъ Бордо и имѣемъ приказъ арестовать вашего графа.

Пьеръ и Жермень замолчали и еще сильнѣе навалились на калитку. Пришельцы ругали ихъ, угрожали имъ, приказывали имъ отпереть, но они оставались непреклонны.

— А какъ-ты думаешь, Пьеръ, шепнулъ садовнику Жермень, — нашъ хозяинъ уже успѣлъ убѣжать?

— Не знаю... такъ-же шопотомъ отвѣтилъ ему Пьеръ. — Вѣдь Женни сейчасъ осталась во всемъ замкѣ одна, она боится грозы и едва-ли графъ рѣшился бросить ее и убѣжать!

Разсвирѣпѣвшая отъ такого сопротивленія двухъ слугъ толпа бросилась къ стѣнѣ и стала черезъ нее перелѣзть. Очутившись во дворѣ замка, она накинулась на Жермена и стала его бить и топтать ногами. Избивъ также и старика Пьера, она оставила ихъ обоихъ замертво лежать у калитки на пескѣ и бросилась въ замокъ.

Здѣсь она обшарила всѣ его углы, срывала съ петель запертыя двери и разбивала шкафы и мебель и наконецъ ворвалась въ ту комнату, гдѣ находился графъ.

Видя передъ собою разъяренную толпу и не зная за собою вины, онъ

встрѣтилъ ее спокойно, скрестивъ руки на груди.

Женни стояла тутъ-же, въ страхѣ прижавшись къ огцу.

— Мы пришли тебя арестовать! закричала графу толпа.

— Арестуйте также и меня, сказала имъ дѣвочка, — я не хочу разставаться съ моимъ отцомъ!

— Но вѣдь ему отрубятъ голову!

— Рубите голову и мнѣ!..

Эти люди безъ сердца, привыкшіе легко смотрѣть на жизнь, тронулись этимъ героизмомъ дѣвочки и оставили ее при отцѣ. Они связали ихъ, повели ихъ подъ конвоемъ въ проливной дождь въ Бордо и затѣмъ на простой телѣгѣ повезли ихъ въ Парижъ.

— Ты промокла? Тебѣ холодно? спрашивалъ дѣвочку по дорогѣ графъ.

— Нѣтъ, папа, отвѣчала ему Женни. — Мнѣ хорошо... Мнѣ только грустно, что у тебя не покрыта голова. Возьми мой платокъ и надѣнь его на себя!

Въ Парижѣ ихъ привезли на судъ. Было темно, горѣли свѣчи и на мѣстахъ судей засѣдали какіе-то неизвѣстные доселѣ люди. Они посмотрѣли на графа мелькомъ, едва выслушали на него доносъ и тотчасъ-же присудили его къ смертной казни. А затѣмъ его посадили въ тюрьму. Все время Женни была около него и старалась его утѣшить.

Два дня спустя, запоры въ тюрьмѣ загремѣли и въ келью графа отворилась дверь.

— Эй ты! раздался вдругъ грубый голосъ.—Выходи на свободу!

Графъ поднялъ глаза къ небу, съ облегченіемъ вздохнулъ и благоговѣйно произнесъ:

— Да будетъ благословенно имя Господне!

— Ладно, ладно, перебилъ его все тотъ-же грубый голосъ.—Это не для тебя, а для этой вотъ дѣвочки. Ну-ка, красавица, выходи скорѣе изъ тюрмы!

И тюремщикъ грубо схватилъ Женни за плечо и, не давъ ей проститься съ отцомъ, вышвырнулъ ее за двери и заперъ графа одного. Она плакала, не хотѣла уходить, но дѣлать было нечего, а графъ остался въ темницѣ одинъ и былъ блѣденъ, какъ полотно. Теперь для него было ясно, что скоро его поведутъ на казнь. И тяжкое отчаяніе овладѣло вдругъ всѣмъ его существомъ.

— Папа, папа! кричала ему черезъ стѣну дочь.

— Мужайся, Женни, отвѣчалъ ей отецъ,—и да благословитъ тебя Господь!

И вотъ Женни осталась одна. Она не знала того, что была очень богата и что всѣ сокровища ея отца были закопаны въ паркѣ подъ старымъ вязомъ. Она бродила теперь по улицамъ Парижа безъ поддержки, одинокая и безъ копейки денегъ и ей очень хотѣлось ѣсть. Что теперь съ нею будетъ? Куда ей идти? Ея замокъ очень далеко отъ Парижа и все равно въ немъ живутъ теперь дру-

гіе люди, такъ какъ его отняли у ея отца и продали его другимъ.

На слѣдующее утро, когда графа везли на казнь, онъ вдругъ поблѣднѣлъ и протянулъ руки къ толпѣ. Онъ узналъ въ ней свою дочь. Онъ хотѣлъ броситься къ ней, обнять ее, прижать ее къ себѣ, сказать ей хоть одно только слово, одно только послѣднее прости, но какъ онъ могъ это сдѣлать? Тюремщики схватили его за его связанные руки и отдернули его назадъ.

А Женни тоже узнала его и кричала ему изъ толпы.

— Папа! Папа! Мой отецъ!

Несчастный сталъ рваться изъ стороны въ сторону, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на дочь, но тюремщикъ ударилъ его пистолетомъ по затылку и у графа стало мутиться въ головѣ.

— Прощай, мое дитя! только и успѣлъ онъ крикнуть.—Постарайся разыскать Пьера! Слышишь? Пьера! Пьера! Пьера!

И онъ сталъ терять сознание.

Но Женни не слышала этихъ его словъ. Она безъ чувствъ повалилась на мостовую и когда открыла затѣмъ глаза, то уже была круглой сиротою.

Шла мимо какая-то добрая женщина, тронулась ея несчастнымъ видомъ и подобрала ее къ себѣ. Но средства ея были ничтожны, она голодала сама и бѣдная Женни оказалась въ безвыходной нищетѣ.

Прійдя въ себя, Женни сразу-же поняла, какъ нуждалась эта стару-

шка. Она горячо поблагодарила ее за ея доброту и собралась отъ нея уходить.

— Куда же ты хочешь идти? спросила ее старушка.

— Не знаю... отвѣтила Женни.

— Но почему-же ты не хочешь остаться со мной?

— Потому что вы бѣдны и я буду вамъ въ тягость...

— Ты, должно быть, изъ благородныхъ... Наши горожане такъ не поступаютъ...

Женни промолчала и не сказала ей, что она дочь графа Сень-Вальберъ.

— Въ такомъ случаѣ иди въ пріютъ, продолжала старушка.— У насъ въ Парижѣ есть пріюты, куда принимаютъ бездомныхъ дѣтей!

Она рассказала Женни, какъ найти пріютъ, и дѣвочка отправилась туда и послѣ долгихъ разспросовъ была принята туда, какъ сирота. И дочь графа Сень-Вальберъ должна была тамъ мыть полы и стирать бѣлье и за это ей давали корку хлѣба и чашку горячей воды. И она ѣла этотъ хлѣбъ и пила эту воду и старалась безропотно переносить свою судьбу. И только одна мысль наполняла все ея существо.

«Я теперь сирота, думала она,— и не могу рассчитывать ни на что, кромѣ безысходной нищеты. Почему-же мнѣ не посвятить всю мою жизнь на пользу такихъ-же несчастныхъ, какъ и я сама? Вѣдь тѣхъ, кто страдаетъ, теперь такъ много на свѣтѣ!»

И она стала отдавать свою корку хлѣба и свою чашку горячей воды другимъ. Тѣло ея похудѣло отъ голода, щеки стали блѣдны, глаза ввалились глубоко и руки въ безсиліи опустились, точно плети. И никто-бы не узналъ въ ней прежнюю Женни, которая еще такъ недавно бѣгала по тѣнистымъ аллеямъ замка и звонко щебетала въ нихъ, какъ птичка.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Былъ декабрь. На небѣ нависли тучи и стояли такіе холода что на улицахъ жгли костры. Иногда крупными хлопьями падалъ снѣгъ. Въ одинъ изъ такихъ дней по пустынной, захолустной улицѣ Парижа шла Женни Сень-Вальберъ.

Куда она шла такъ быстро? Изъ-за чего она подвергала себя холоду и простудѣ?

Она спѣшила на помощь къ кому-то еще болѣе несчастному, чѣмъ она сама.

И вдругъ какая-то молодая дѣвушка, одѣтая въ лохмотья, съ блѣдными, унылыми чертами лица, которыя говорили о тяжкихъ лишеніяхъ и страданіяхъ, остановила ее и чуть слышнымъ голосомъ сказала:

— У меня умираетъ сейчасъ отецъ... Придите помочь ему! О вашей добротѣ говоритъ уже весь Парижъ. Если вы откажетесь и не пойдете, то онъ умретъ безъ васъ и тогда уже будетъ поздно!

Женни молча послѣдовала за ней; онѣ дошли до высокаго дома и по грязной, вонючей лѣстницѣ стали

взбираться наверхъ. У самаго чердака, подъ крышей, была плохо сколоченная дверь. Онѣ отворили ее и вошли.

При видѣ зрѣлища, которое представилось глазамъ Женни, сердце у нея забилося. Въ этой низенькой комнаткѣ, въ которой снѣгъ выступилъ по стѣнамъ и все было такъ угрюмо и бѣдно, она увидала больного человѣка, лежавшаго на кучкѣ гнилой соломы. Жалкіе лохмотья покрывали его исхудавшее, озябшее тѣло.

— Вы страдаете, обратилась къ нему Женни, — но чѣмъ-же я могу помочь вамъ?

Больной тяжело вздохнулъ.

— Развѣ можно мнѣ теперь помочь?.. грустно отвѣтилъ онъ. — Вѣдь я понимаю, что со мною происходитъ. Муки голода истощили мое тѣло. Моя жизнь приходитъ къ концу. Но мнѣ хочется еще пожить, чтобы исполнить то, что завѣщалъ мнѣ мой господинъ...

Женни вынула изъ сумочки флакончикъ съ лекарствомъ и дала ему выпить. Это придало больному силы.

— Кто вы? спросила она его. — И отчего вы такъ больны?

Онъ покачалъ головой и слезы показались у него на глазахъ.

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, началъ онъ, — я находился на службѣ у одного господина, котораго очень любилъ. Когда мой хозяинъ сталъ догадываться, что дни его сочтены, то онъ поручилъ мнѣ наблюдать за его богатствомъ и приберечь его сокровища для его дочери, если ему не

суждено будетъ остаться въ живыхъ. И вотъ, въ одну грозовую ночь къ намъ пришли въ замокъ вооруженные люди и арестовали моего хозяина. Послѣ быстраго несправедливаго суда они бросили его въ тюрьму и онъ послѣ этого исчезъ безъ слѣда, а всѣ его имѣнія отняли и продали ихъ другимъ. Меня, избитаго и еле живого, они выгнали изъ замка вонъ, но въ одну темную ночь я пробрался обратно въ паркъ, принадлежавшій ранѣе моему господину. Добѣжать до стараго вяза, подъ которымъ были закопаны въ шкатулкѣ сокровища моего господина, и выкопать ихъ оттуда было дѣломъ одной минуты. Теперь мнѣ оставалось только одно: найти дочь моего господина и передать ей богатства ея отца. Кой-какія сбереженія, которыя мнѣ удалось сколотить, благодаря щедрости моего хозяина, позволили мнѣ и моей дочери просуществовать нѣкоторое время безбѣдно. Но тщетные поиски, которые мы приняли для отысканія его несчастной Женни, скоро истощили ихъ. И съ тѣхъ поръ началась для насъ борьба съ голодомъ и нищетой. У меня на рукахъ было цѣлое богатство, но я рѣшилъ лучше умереть, чѣмъ коснуться того, что мнѣ не принадлежитъ и составляетъ собственность моей молодой госпожи. И я не потратилъ на себя ни одной копейки. Не даромъ-же мой господинъ такъ глубоко мнѣ довѣрялъ!..

Больной закрылъ глаза и отъ слабости пересталъ говорить.

— Но кто былъ вашъ господинъ? спросила его Женни.

— Графъ Сень-Вальберъ... чуть слышно произнесъ больной.

Боже мой! У Женни похолодѣло подъ сердцемъ и помутилось въ глазахъ. Этой фамилии она не слышала уже столько лѣтъ! Неужели этотъ человѣкъ зналъ ея отца? Неужели именно о немъ онъ хотѣлъ ей сказать?

И склонившись низко надъ больнымъ, голоднымъ человѣкомъ, валявшимся на охапкѣ гнилой соломы и въ то-же время не желавшимъ прикоснуться къ тому богатству, которое было у него на рукахъ, она приподняла немного его голову и тихо поцѣловала его въ лобъ. Слезы градомъ катились у нея изъ глазъ.

— Но ваше имя?... спросила она его.—Какъ васъ зовутъ?

— Пьеръ... отвѣтилъ больной.

Вся ея прошедшая жизнь живо пришла ей на умъ. Она вспомнила то время, когда еще маленькимъ ребенкомъ она бѣгала по парку, окружавшему замокъ ея отца, вспомнила двухъ слугъ Пьера и Жермена, неотлучно находившихся при ихъ семьѣ, причемъ Пьеръ ей каждый день приносилъ по букету прекрасныхъ цвѣтовъ, вспомнила ту страшную, грозовую ночь, когда арестовали ея отца, и наконецъ судъ, тюрьму и встрѣчу съ отцомъ на улицахъ Парижа, когда его везли на казнь.

«Постарайся разыскать Пьера!» вновь прозвучало у нея въ ушахъ.— «Слышишь? Пьера! Пьера! Пьера!»

Теперь для нея ясно было все.

И, бросившись къ больному Пьеру, она схватила его голову и стала покрывать ее поцѣлуями.

— Пьеръ! Мой милый Пьеръ! воскликнула она.— Неужели ты не узнаешь свою маленькую Женни? Вѣдь я Женни Сень-Вальберъ!

Пьеръ поднялся на своей соломѣ и долго, пристально смотрѣлъ ей въ глаза.

— Да, это вы... сказалъ онъ.— Я узнаю васъ... Вы такъ похожи на вашего отца!.. Такой-же благородный взглядъ, какъ и у него, такая-же манера говорить...

И, сложивши руки ладонями вмѣстѣ, онъ поднялъ глаза къ небу и тихо сталъ молиться.

— Я нашелъ васъ... сказалъ онъ потомъ.— Теперь я могу умереть спокойно: я исполню то, что мнѣ поручилъ мой бѣдный графъ.

И сдѣлавъ знакъ своей дочери, которая стояла тутъ-же и рыдала, какъ дитя, онъ что-то сказалъ ей на ухо.

Она разгребла лохмотья, лежавшія въ кучѣ въ углу, и вытащила изъ-подъ нихъ дорогую шкатулку. Она вся была исцарапана и нарочно запачкана грязью, чтобы никто не догадался, что въ ней лежатъ такія богатства.

— Возьмите ее, моя молодая графиня... обратился къ Женни Пьеръ.—

Эти деньги принадлежатъ вамъ; будьте-же богаты, живите, наслаждайтесь и пусть благословитъ васъ Богъ! Въ этой шкатулкѣ вы найдете также и документы, удостовѣряющіе то, что вы графиня. А я... я могу теперь спокойно умереть!

И онъ откинулъ голову назадъ и повалился на солому.

Женни сбѣжала внизъ, на улицу, наняла экипажъ и людей и бережно, благоговѣнно, перевезла больного въ одну изъ лучшихъ гостинницъ. Затѣмъ она наняла себѣ квартиру, переселила

его туда, пригласила къ нему знаменитыхъ врачей и мало-по-малу Пьеръ сталъ возвращаться къ жизни и наконецъ выздоровѣлъ совсѣмъ.

Они стали жить всѣ вмѣстѣ, какъ близкіе родные, но жили теперь скромно, такъ какъ половину своего богатства Женни отдала въ благодарность Пьеру и его дочери, а на другую выстроила пріютъ. И никто бы не сказалъ, что это барышня и ея бывший слуга: теперь это были дочь и отецъ, а графскій титулъ такъ и остался лежать въ шкатулкѣ.

Ida Violette.

Рѣшеніе ариемографа, головоломки и загадки, помѣщенныхъ въ № 21 «Золотого Дѣтства»:

1) *Ариемографъ*: бурка, гитара, берегъ, карета, канатъ, труба, гранитъ, бананъ, картина, рубинъ, Задуманное слово—Екатеринбургъ.

2) *Головоломка № I*: буквы, труба, окрошка, доски, мука, объявленіе. Задуманное слово—Курскъ.

Головоломка № II: Сонъ, Огни, Срубъ, Накать. Актеръ. Задуманное слово—сосна.

Головоломка № III: Зима... Крестьянинъ, торжествуя, на дровняхъ обновляетъ путь.

Головоломка № IV: но + сор + ог (носорогъ)... сло + н (слонъ),... мар + ты + шка (мартышка),... кры + са (крыса),... со + боль (соболь),... лягу + шка (лягушка),... медъ + вѣдь (медвѣдь),... Олень,... гіе + на (гіена), горъ + но + стай (горностай),... ку + ни + ца (куница),... кротъ.

Головоломка № 5: Буква А (сорокъ + а = сорока, арабъ — рабъ).

3) *Загадка*: 1. По водѣ, 2. Отъ станціи, 3. Когда домъ бываетъ сыръ.

Рѣшеніе ребуса, помѣщеннаго въ № 22 «Золотого Дѣтства». Хорошо жить въ родномъ кругу.

Рѣшеніе шарады № 12: Смо + родина = Смородина.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Н. Баскаковъ въ Спб., Нина Гаккель изъ Гатчины, Коля Титовъ изъ Кронштадта, Елена Жолобова въ Вильнѣ, К. Ротманъ изъ Армавира, Елизавета фонъ-Реймеръ изъ Екатеринослава, Вася Золотаревъ изъ Ново-георгиевска, Петя Ивановъ изъ Кіева, Ляля и Шура Ардабацкія въ Спб., Митя Чупровъ, Миша Магитъ изъ Ливенъ, Шура Қорчагинъ въ Спб., Оля Рыбкина, Ѳеда Альтгаузенъ въ Спб., Роза Рейсеръ въ Шполѣ, Sophie Fedoroff—Paris, Катя Мутовкина въ Спб., Манюня Діамантиди изъ Ростова-на-Дону, Лея и Галя Дыховы изъ Сызрани, Митя Орловъ, Митя Савельевъ, Ната Дитяткина изъ Старой Руссы, Шура Повалипина, Нина Бриксъ въ Спб., Вѣрочка Қ. изъ Стрѣльны, Лидочка Ландманъ изъ Архангельска, Анатолій Андрусъ въ Батумѣ, Люля Иванова изъ Варшавы, Андруша Федотовъ, донской казачокъ изъ Новочеркаска, Коля Григорьевъ Кологрива, Сюся Бучинская изъ Олонца, Катя и Қотя Николаевы изъ Харькова.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЬ
ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

- 1) Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія.
- 2) Путешествія.
- 3) Біографіи знаменитыхъ людей.
- 4) Статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насекомыхъ и растений.
- 5) Рассказы изъ жизни племенъ и народовъ.
- 6) Рассказы изъ жизни святыхъ.
- 7) Статьи по хозяйству и домоводству.
- 8) Игры и занятія.
- 9) Ноты для пѣнія и игры на фортепіано.
- 10) Каррикатуры и смѣшныя исторіи въ картинкахъ.
- 11) Загадки, ребусы, шарады.
- 12) Романы, повѣсти и рассказы изъ Русской исторіи.
- 13) 12 вырѣзныхъ выкоекъ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома безъ помощи портнихи.
- 14) Картонажи для склеиванія и другія приложенія.
- 15) Смѣсь: различные рецепты, анекдоты, шутки и проч.
- 16) Почтовый ящикъ для переписки съ подписчиками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.,
на полгода — 2 рубля.

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Матвѣевская ул., 3, и въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени» (Невскій, 40), Т-ва М. О. Вольфъ (Гостинный Дворъ и Невскій) и Н. П. Карбасникова (Гостинный Дворъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

Продолжается подписка на журналъ „Золотое Дѣтство“ на текущій 1908 годъ.
Программа журнала Повесть, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, игры, занятія, статьи изъ жизни животныхъ, растений, птицъ и земли племенъ и народовъ и т. д. Приглашеніе: 12 вырѣзныхъ выкоекъ для дѣтскихъ костюмовъ, картонажи для склеиванія и пересылки.
Подписная цѣна на годъ — 3 р. 80 к., на полгода — 2 р. 90 к., на 3 мѣс. — 1 р. Плата съ доставкой и пересылкой.

